

«Дуэнья», «Здравствуйте, я ваша тетя», «Самая обаятельная...» и многие другие полюбившиеся нам фильмы объединяет участие в них прекрасной, ни на кого не похожей актрисы Т. Васильевой. Посмотрев спектакль «Там же, тогда же...», в котором занят великолепный дуэт Васильева — Райкин, наш корреспондент послучал в дверь гримерной, чтобы задать Татьяне Григорьевне несколько вопросов.

— Татьяна Григорьевна, можете ли вы, сыграв около двадцати пяти ролей в кино и пятидесяти в театре, повторить слова Маринны Нееловой: «Мне никогда не было стыдно за то, ЧТО я играла. Могло быть стыдно только за то, КАК?»

— Иногда бывает и за что. В предыдущие годы, когда у меня было не так уж много предложений сниматься в кино, а потому перебирать не приходилось, я соглашалась на все. Так обычно складывается у большинства актеров, за исключением разве тех, на которых наваливается хорошая работа с хорошими режиссерами. Со мной такого не было, поэтому поначалу я снималась везде, куда меня только приглашали. Я изнемогала от той работы, которую на себя наваливала, хотя она в основном была такой, за которую впоследствии становилось стыдно.

— В интервью корреспонденту «Недели» вы сказали, что не понимаете, как фильмы типа «Самая обаятельная...» могут быть популярными у зрителей? И тем не менее снимались в таких фильмах не раз.

— А почему я не могу высказать свою точку зрения? Право зрителя соглашаться со мной или не соглашаться, любить меня как актрису или не любить. Но мне импонирует, когда зритель поднимается до понимания каких-то вещей, а не актер опускается до того уровня (зачастую не очень высокого), на котором находится зритель.

— Скажите, вы живете, чтобы играть, или играете, чтобы жить?

— И то, и другое. Раньше, в молодости, меня больше интересовала работа. Теперь я не одна, у меня есть семья, дети. И я уже не имею права позволить себе роскошь думать только о своей профессии и не думать о том, как она может меня обеспечить. Потому, что если я об этом не подумаю, то об этом не подумает никто: ни продюсер, ни режиссер.

— Артист человек подневольный. Ему обычно говорят: вот сценарист, вот режиссер. Будете сниматься? Были ли случаи, когда вам говорили: если вы не согласитесь, фильм сниматься не будет?

— Есть такие режиссеры, я их очень уважаю. Леня Трушкин, например, который поставил спектакль «Там же, тогда же...» со мной и Костей Райкиным, потому что именно нас он «видел» в этом спектакле. У него мечта поставить «Дядю Ваню» с Олегом Борисовым. Но поскольку он не может в данный момент «заполучить» Борисова, Трушкин откладывает осуществление этой идеи.

Я не понимаю режиссеров, которые могут попросить пятьдесят актеров на одну главную роль. Это значит, что у такого режиссера нет представления о том, что и зачем он снимает. Мне очень редко приходилось сниматься у хороших режиссеров, очень редко. В театре дело обстоит немножко иначе.

— Искусство, говорят, требует жертв. Чем ради него вам

уже пришлось пожертвовать и что принесли ему в жертву сейчас?

— Сейчас в жертву приношу своих детей: они — жертва моей профессии и моей любви к ней. Дочка Лиза ездит со мной на гастроли, съемки. С сыном (он сейчас в Москве) не виделась уже три месяца. И еще месяц не будем видеться, потому что у меня начинаются съемки и всевозможные разъезды. Это очень тяжело и для

нами, нуждающийся человек чувствителен даже по отношению к самому прекрасному зрелищу...» Не потому ли сейчас наше искусство, кино и театр, в частности, переживают кризис?

— Раньше театр никогда не был пуст. Раньше в театр ходили, и считалось большим событием — пойти в театр. А сейчас... Людям сложно оторваться от повседневных проблем, чтобы окунуться во что-то нереальное. И я не осуждаю их за это. Наоборот, я им признательна, когда они все-таки приходят на наш спектакль.

— Как, по-вашему, у театра есть шансы выжить?

ша профессия все-таки предполагает перевоплощение. Мне, например, постоянно хочется зачеркивать то, что я уже сделала, и начинать все сначала, с белого листа. Ведь это куда интереснее — отказ от того, чего ты достиг.

— Актера, как и любого человека, нельзя рассматривать вне его окружения. Кто из вашего окружения сумел повлиять на вас?

— В период студенчества у меня был очень хороший педагог (я закончила театральную школу при Московском художественном театре) — руководитель курса Василий Петрович Марков. Он меня жутко раздразнял, потому что очень педан-

Встреча по вашей просьбе

Заслуженная артистка РСФСР
Татьяна ВАСИЛЬЕВА:

Наша профессия не терпит отличников

детей и для меня. Да и раньше приходилось идти на какие-то компромиссы, поступать собственными желаниями. Но я не жалею об этом. Тем более, что никогда и никого этим не подвела и не предала. В основном это были какие-то неудобства для меня.

— Вы знаете, что такое неустроенность?

— Неустроенность я испытываю постоянно (и в отношении денег тоже) — как почти каждый человек в нашей стране. Я очень многого опасюсь.

— Чего, например?

— Я не всегда знаю, чем буду кормить своих детей. Это цемисмыслио: в преддверии XXI века не знать, чем кормить семью. Только в этом году я получила квартиру от театра. А до этого сорок четыре года жила между небом и землей. И все-таки я знаю, что мне лучше очень многих.

— Могли бы вы назвать наибольшую радость, пережитую вами?

— Были две радости: рождение детей и удачные премьеры. Предпоследняя — в театре: «Вишневый сад». Последняя — «Там же, тогда же...» Я часто говорю Косте Райкину, когда мы заканчиваем этот спектакль и весь зал встает и не отпускает нас минут по двадцать и даже больше — при том, что сейчас с театрами происходит неизвестно что и многие театры надо просто закрывать, даже в Москве. Так вот, я ему всегда говорю: «Костя, надо же! Может быть, это вообще последний раз в жизни, и никогда больше не повторится!»

— Как-то я прочитала такое изречение: «Удрученный забо-

— Конечно!

— Вы сказали, что вам предстоит съемки. В каком фильме, если не секрет?

— Картина снимается на «Ленфильме», называется «Дым». Сейчас я еду в Баден-Баден, а потом, наверное, в Прибалтику, где состоится съемки. Есть еще предложение: очень хороший сценарий кинорежиссера и сценариста Бодрова «Русские». В центре — судьба русской женщины, работающей гидом и разъезжающей с нашими туристами по заграничье. Там она встречается человека, который ее всегда любил, но уже давно покинул родину. Он просит, чтобы она осталась. С ним она остаться не может, и он, по-моему, чуть ли не стреляет в нее.

— Ваша точка зрения: как вы слагаете ваше будущее?

— Талант прежде всего. Я сейчас не о себе говорю, а вообще — о нашей профессии. Хотя, думаю, что и я не бездарна. Итак: талант, данный тебе Богом, большая требовательность к себе и, как это ни банально звучит, умение трудиться. Правда, тут особый род отдачи. Я, например, знаю актеров, которые отнюдь не трудяги, им просто все легко дается. Я также знаю людей, обладающих бешеной трудоспособностью, но кроме раздражения они у меня ничего не вызывают. Наша профессия не терпит отличников. И все же необходимо уметь работать и таланту — хотя бы для того, чтобы не повторяться. Вы обратили внимание, что есть актеры, которые всегда одинаковы? Они говорят: в этой роли я — это я. Но, согласитесь, на-

точно заставлял делать одно и то же. Предположим, войти в аудиторию в одном состоянии, а выйти в другом. Другие группы (допустим, те, которые учились у Владимира Яковлевича Богомолова актера и режиссера МХАТа) уже играли в спектаклях, а мы все входили в одном состоянии, а выходили в другом. Но прошло время, и я поняла, что технические навыки, привитые нам Марковым, страхуют меня от грубых ошибок. Действительно, есть законы сцены, от которых никуда не денешься. И среди них: ты никогда не выходишь из комнаты в том состоянии, в каком вошел.

Потом Плучек, конечно. Как актрисе он мне не очень помогал, но давал играть в театре все. А сейчас я даже не знаю, кто бы мог на меня так уж сильно повлиять, раскрыть меня с неожиданной стороны, кроме меня самой. Впрочем, этим никто и не занимается. Тебя берут готовой, такой, какой тебя видит режиссер.

— Чего вы стремитесь избывать в жизни и в творчестве?

— Я очень не люблю конфликтовать. Поэтому я либо расхожусь с режиссерами, либо не вступаю с ними в работу, если понимаю, что буду обречена на постоянные выяснения отношений. Вообще со мной трудно поссориться...

— Как вам кажется, вы полностью реализовали себя в творчестве?

— Да что вы! Разве что на одну миллионную. Я верю в то, что еще не сыграла своих лучших ролей.

С. СКРЯБИНА.
Фото автора.